

Ф. Ледерер и др.). Издававшаяся с марта 1917 г. в Екатеринштадте газета «Der Kolonist» («Колонист») стала печатным органом Союза. СНСП не имел четкой организационной структуры, фиксированного членства, собственных программных документов. Подробнее о деятельности Союза немцев-социалистов Поволжья см.: *Hermann A.* Wie die Arbeitskommune (das Autonome Gebiet) gegründet wurde // *Die Russlanddeutschen Gestern und Heute.* Köln : Markus verlag, 1992. S. 159–183 (*Герман А.* Как была образована Трудовая коммуна (Автономная область) немцев Поволжья // *Российские немцы вчера и сегодня.* Кёльн, 1992. С. 159–183).

²¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1991. Л. 262–264; Д. 2116. Л. 11–15, 21–22.

УДК 93 / 94

НА ГРАНИ ВЫЖИВАНИЯ: МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1930-Х ГОДОВ

М. Ю. Антимонов

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: wolf-25@yandex.ru

В статье рассматривается жизненный мир молодого человека через призму рациона питания, медицинского обслуживания, детской смертности и социальной политики государства. Особое внимание уделяется изучению сложившейся ситуации в стране в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. Для более глубокого осознания социокультурных процессов 1930-х гг. рассматривается феномен молодого человека с учетом его ментальных и поведенческих характеристик.

Ключевые слова: болезни, голод, засуха, медицинское обслуживание, повседневность, смертность, социальная политика государства.

On the Verge of the Survival: Youth in Conditions Social and Economic Crisis of the 1930th

M. Yu. Antimov

In article the vital world of the young man through a prism of a food allowance, medical care, child mortality and social policy of the state is considered. The special attention is paid to studying of current situation in the country in the conditions of crisis of supply of 1939–1941. For deeper understanding of sociocultural processes of the 1930th the phenomenon of the young man taking into account his mental and behavioural characteristics is considered.

Key words: diseases, hunger, drought, medical care, daily occurrence, mortality, social policy of the state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-34-38

Судя по официальным сводкам, 1930-е гг. – это время расцвета СССР. Но в действительности это было далеко не так. Особенно тяжелое положение сохранялось в отраслях легкой промышленности (группа «Б») и сельском хозяйстве.

²² *Schmidt J.* Unsere Parteioranisation. 1918–1928. Pokrowsk : Deutscher Staatsverlag Nemgosisdat, 1928. 36 s.

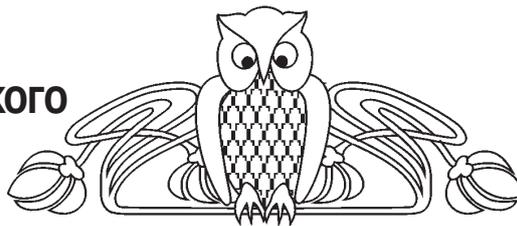
²³ *Schmidt D.* Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Erster Teil. Pokrowsk : Nemgosisdat, 1930. 386 s.

²⁴ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1737. Л. 468.

²⁵ Там же. Д. 1991. Л. 262–264; Оп. 1а. Особая папка. Д. 1. Л. 136.

²⁶ См.: *Loos A.* Gegen die Fälschung der Geschichte der Bolschewistischen Parteiorganisation der ASSR der Wolgadeutschen. Engels : Parteiverlag, 1934. 55 s.

²⁷ Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья : политико-экономический очерк. Энгельс : Немгосиздат, 1938. 55 с.

Летом 1936 г. разразился неурожай зерновых. От засухи пострадал и картофель. Это породило и мясную проблему. Уже в ноябре стали появляться сообщения о нехватке хлеба в городах Воронежской области, в Западной Сибири, зимой этого же года люди стояли за хлебом с двух часов ночи. География спецсообщений о начавшемся хлебном кризисе обширна – Воронежская, Горьковская, Кировская, Курская, Куйбышевская, Оренбургская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Ярославская области, Ставрополье, Мордовская, Чувашская АССР, АССР Немцев Поволжья, Башкирия¹.

Красочным примером сложившейся ситуации служит сочинение тринадцатилетнего школьника Алексея Соколова из Ярославской области на тему «Как я провел каникулы»: «Я, ученик 6-го класса группы “Г” Пречистенской средней школы, провел зимние каникулы очень нерадостно. Я лучше бы согласился ходить в школу в это время. Когда я пришел в школу, то учителя сначала стали говорить: “Давайте, ребята, заниматься с новыми силами”. Я за каникулы потерял все силы. Мне некогда было повторять уроки и прогуляться на свежем воздухе. Мне приходилось с 3-х часов (утра. – *Е. О.*) вставать и ходить за хлебом, а приходил человеком 20-м или 30-м, а хлеб привозили в 9–10 утра. Приходилось мне мерзнуть на улице по 5–6 часов (дело происходило в январе 1937 г. – *Е. О.*). Хлеба привозили мало. Стоишь, мерзнешь-мерзнешь, да и уйдешь домой вечером с пустом, ни килограмма не достанешь. Я думаю, что другие ученики тоже провели так же, как и я, каникулы. Если не так, то хуже моего... Судя по этому, можно сказать, что советская власть несколько не улучшила жизнь крестьянина, а, наоборот, еще ухудшила. Быть может, мое сочинение не подходит под тему, но в этом я не виноват, так

как я ничего не видел, кроме обиды. Я – пионер и школьник и пишу то, что видел и делал. Так провёл я каникулы»². Такое положение дел, конечно, не могло не сказаться на состоянии здоровья подрастающего поколения.

Дефицит не ограничивался хлебом. Не лучше было положение с такими основными продуктами питания, как мясо, молоко, масло, овощи, не говоря уже о столь необходимых вещах, как соль, мыло, керосин и спички.

В конце 1939 г. СНК СССР была установлена «норма отпуска хлеба в одни руки» для открытой торговли, и она составляла 2 килограмма. В октябре 1940 г. СНК СССР снизил норму продажи хлеба в открытой торговле с 2 до 1 килограмма.

В условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. по решению Политбюро ЦК была создана система закрытой торговли и общественного питания для особых категорий населения. Официально карточная система не была введена, но, по сути, она действовала и распространялась на местах. Вот что пишет по этому поводу В. Кубанев: «Страшно видеть город, в котором закрыты все магазины. Вся торговля хлебом перенесена в учрежденческие буфеты»³.

В предвоенный период нормы продажи других товаров в открытой торговле в одни руки, так же, как и хлеба, с каждым годом снижались. К концу 1940 г. большинство продуктов стали отпускать в одни руки в среднем в 2–4 раза меньше⁴. Это свидетельствует о продовольственном кризисе.

В то время, когда у населения не хватало средств на приобретение необходимых продуктов питания, государство проводило активную налоговую политику.

Из воспоминаний жительницы Тамбовской области М. С. Алимпиевой мы узнаем, что у ее родителей были куры и корова, а яйца и масло семья не ела. Все эти продукты продавали или отдавали как налог. Государство не учитывало наличие у населения коровы, кур и другой живности. Если не было в хозяйстве какого-либо продукта из налогового перечня, то его надо было приобрести и сдать. Помимо натурального налога, взималась и денежная пошлина на содержание колодцев, мостов, дорог. Она составляла 2 руб. в год. Также население участвовало в выплате займов. Расчет происходил каждый квартал. Если вовремя это не делалось, то начислялись пени.

В Вологодской области в 1936 г. государственный налог на сельхозпродукцию составлял: мяса – 35 килограммов, молока – 220 литров базисной жирности 3,9%, картофеля 80 килограммов, зерна – 4 килограмма с трех соток посева зерновых. В 1936 г. сделана была оценка домов для взимания страховки, собирали 1 рубль 5 копеек с сотки, с головы скота – 4 руб. 45 копеек, с посевов – 9 руб. 4 копейки с сотки, самообложение – 14 руб.⁵

В Саратовском селе Лох, как Э. Б. Корнеева вспоминала: «А урожай-неурожай (картофеля), а 2 центнера отдай – налог такой. И мяса 40 кило-

грамм, 100 яиц, масла – 10 килограмм. С каждого двора. А если нет коровы, а овцы, там брынзу давай. Поэтому скотину перевели всю. Скотину было держать невыгодно, просто невозможно». «А налоги? Картошки отдай 3 центнера, мяса отдай 40 килограмм, масла 12 килограмм... Шерсть отдай, кожу отдай... А потом и корову отберут», – вспоминал другой очевидец А. О. Казанкин⁶.

Так, по воспоминаниям А. П. Крутова, в Вологодской области «1937–1940 гг. – самые голодные годы были: по 200 грамм хлеба на день выдавали на трудодень. Но голодными они были не потому, что были неурожайными, а потому, что задушили налогами»⁷. Да и другой очевидец вспоминает, что «...ягоды, между прочим, мы не ели – их сушили на зиму. И все время хотелось есть. ...И бесконечный понос: мы ели всякую травку, что казалась съедобной»⁸.

Такие правительственные «поборы» обрекали колхозников на недоедание и голод, а по отношению к их личным подсобным хозяйствам поборы были непосильными.

В сельской местности излишка продуктов у населения не было. Хватало лишь на то, чтобы ноги не протянуть. Поэтому учителю из Воронежской области приходилось ездить в город за продуктами, так как он не мог их приобрести у сельских труженников. Вот, что он пишет: «В городе вчера я был за съестными припасами. Кому-то удивительно, но ты не удивляйся, что “классик” из деревни едет в город покупать помидоры. Просить не хватает совести (за деньги, конечно). А иначе здесь не достанешь – только через правление, через эти самые просьбы»⁹.

Такое тяжелое положение с провизией накладывало отпечаток и на рацион питания. Обязательным атрибутом для еды был хлеб. Молочные продукты употреблялись чаще всего теми, у кого были в хозяйстве коровы. Мясо в рационе встречалось реже. И его употребление тоже было связано с личным хозяйством. Из напитков был кисель из муки, молоко, чай, квас. Но, безусловно, далеко не все имели возможность так питаться. Даже в сельской местности у населения еле-еле хватало запасов продуктов до следующего урожая. Приходилось экономить на желудке, обходясь только теми продуктами питания, которыми смогли застаться, это чаще всего были овощи с огорода, а картошка, по всей вероятности, была первым спасением от голодной смерти.

Сладости были редкостью. Их обычно дети получали на праздники от сельсовета. Так, в Бондарском районе Тамбовской области в 1937 г. в клубе Знаменского сельсовета была устроена на Новый год елка, где всем детям выдавались гостинцы в кулечках – пряники и конфеты¹⁰. Но не каждый председатель так делал. П. А. Плепишова вспоминает, что конфет у них тогда не было, поэтому они резали, затем сушили свеклу. Это и были их конфеты.

Особенно тяжело жилось материально многодетным семьям. Вспоминает один из детей, семья которого жила на Рязанщине: «Нас у матери было

13 человек. Дostatка в доме не было, жили очень бедно и голодно»¹¹. Сталкиваясь с такой нищетой и безысходностью, подростки часто бросали учебу и шли работать, чтобы прокормить себя и свою семью. Не всякий молодой человек мог выдержать такую напряженную физическую и морально-психологическую нагрузку.

Что и могло привести их к психическому заболеванию или суициду. Вот как описывает сложившееся состояние Н. Луньков: «Мне тогда было неполных 16 лет, отец дал понять, что пора бы мне поехать в Москву на работу, где на ЗИСе с 1931 г. трудились два его младших брата: Григорий и Дмитрий. И само собой подразумевалось, что я должен буду материально помогать семье. Но на завод меня сразу не приняли, поскольку брали только совершеннолетних... Но это была не главная трудность. Проблема состояла в том, что в то время (1937 г.) в Москве шла паспортизация. Прописаться было практически невозможно... Надо было искать выход из труднейшей ситуации. В таком же положении оказались многие мои знакомые и приятели. Кто-то из них, более опытный, посоветовал ночевать на Казанском вокзале. Можно, мол, сойти за пассажира, ожидающего своего поезда. Я решился. Иногда ночь проходила спокойно, иногда милицейский обход выпроваживал нас на улицу. Тогда все устраивались под мостом, но в холодные дни было тязько. Постепенно напряжение становилось предельным, так как после работы я учился на вечернем факультете... Долго ли можно выдержать такую “райскую жизнь”? И вот в одну из ночей я шел по Москворецкому мосту и, вдруг глубоко ощутив всю безвыходность моего положения, остановился, засмотревшись на Москву-реку, в голову лезла мысль, не прыгнуть ли туда, кончив все разом. Помешал, а вернее спас меня милицейский караул»¹².

С таким тяжелым материальным положением сталкивались многие семьи. И самое главное, они оказывались в безысходном положении. Жизнь подрастающего поколения превращалась порой в просто существование, борьбу за выживание.

Низкокалорийное питание, порой возможное его отсутствие, неблагоприятные жилищные условия, дефицит одежды – все это губительно сказывалось на здоровье детей, которые в этом возрасте уязвимы и подвержены серьезным заболеваниям.

Так, за 4 квартал 1938 г. в городе Тамбове школьными врачами было обследовано 16 школ, в которых 3 693 школьника прошли профессиональный медицинский осмотр. Нуждающихся в медицинской помощи было признано 930, а в санитарно-оздоровительном лечении – 289 человек. В переводе в другие учебные заведения были признаны нуждающимися 10 человек. 82 школьника были направлены в стационары сразу же после осмотра¹³.

Частыми были и обращения детей за медицинской помощью в поликлиники. Так, в течение 1938 г. в г. Тамбове число детских визитов к врачам насчитывало 77 450. Если посещаемость

рассмотреть поквартально, то мы можем увидеть равномерное распределение числа визитов на каждый квартал. В среднем оно составляло по 18 000 в квартал¹⁴.

Какими же заболеваниями страдали дети? Так, в 1938 г. в г. Тамбове среди школьников были распространены такие болезни, как диспепсия (42 %), бронхит (25 %), рахит (8 %), воспаление легких (7 %), колит (2,7 %) и глисты (1,1 %). По сути, многие заболевания были социального происхождения.

Плохое питание, нехватка самого необходимого из белья и одежды, проживание в антисанитарных условиях, порой рядом с домашними животными – все это, безусловно, могло явиться причиной этих заболеваний.

Отсутствие в рационе питания продуктов животного происхождения (мясо, молоко, яйца, сало), нехватка витаминов сказывались на здоровье ребенка, все это приводило к таким заболеваниям, как рахит, анемия, эксудативный диатез. Семьи, у которых были корова, свиньи, куры, мясо, только по большим церковным праздникам могли позволить себе щи с мясом. В основном мясо возили продавать в Тамбов. С молока собирали сливки и сбивали масло, которое обычно тоже шло на продажу. А сами ели незамысловатые супы из пшена или гороха.

Проживание в одной комнате большого количества людей, плохое проветривание помещения, их антисанитарное состояние, наличие вшей, тараканов и мышей, в связи с сыростью появление комаров – все это служило источником для таких заболеваний, как малярия, диспепсия, менингит, заражение глистами.

Так, только за III квартал 1938 г. гельминтологическим пунктом было обнаружено 378 учеников, которые были заражены глистами, а обследовано было 626 человек¹⁵. Летом 1940 г. в Тамбовской области были случаи и желудочно-кишечного заболевания детского населения. Дело доходило до госпитализации, потому что подростки были в тяжелом состоянии¹⁶.

Особенно опасными были инфекционные заболевания, так как они заразны и понижали сопротивляемость организма ребенка. Возбудители инфекций – болезнетворные различные микробы или вирусы. Профилактические прививки могли бы предохранить детей от заболеваний, но прививочного материала было недостаточно, поэтому многие дети не были привиты.

Находясь с больными людьми в одном помещении и не имея возможности их изоляции, заражались здоровые дети. При скарлатине заражение могло произойти не только при непосредственном общении с больным, но и при соприкосновении с его вещами: посудой, одеждой, игрушками. А корь (1,5 %) и коклюш (1,7 %) по частоте случаев занимали одно из первых мест среди заболеваний¹⁷. Благодаря своей высокой летучести вирус кори проникал сквозь малейшие щели и разносился с потоком воздуха. Так, анализ данных о заболеваемости корью по Тамбовской

области в 1938 г. показывает, что страдающих этой болезнью школьников за данный год лишь на незначительное число снизилось по сравнению с 1937 г. Борьба с корью было сложно из-за необеспеченности специальными медикаментами медицинских пунктов, особенно в сельской местности. Противокоревая сыворотка в 1938 г. имела лишь в крупных городах Тамбовской области. В остальных населенных пунктах не было создано ее запаса. Вакцина высылалась лишь по отдельным требованиям заведующих горрайздравотделами из г. Воронежа, что нередко приводило к запоздалому ее применению, в результате чего снижалась и ее эффективность¹⁸.

Самой опасной болезнью того времени являлся туберкулез. В 1938 г. по Тамбовской области детей, больных туберкулезом, насчитывалось 510. Это свидетельствовало о низком социальном уровне жизни населения. Не имея калорийного питания, нормальных материально-бытовых условий жизни, молодой организм еще со слабым иммунитетом подвергался опасности заболеть воспалением легких, бронхитом, туберкулезом. Чтобы детский организм мог сопротивляться с туберкулезной инфекцией, ребенок должен был получать в достаточном количестве молоко, творог, сыр, мясо, рыбу, масло, сливки, витамины. И особенно для таких детей нужен был свежий воздух, которого при большом скоплении людей в комнате быть не могло. А выйти на улицу дети тоже не имели возможности из-за отсутствия верхней одежды и обуви. Порой они не выходили из дома месяцами, особенно зимой и осенью. А как можно было предотвратить заражение и заболевание туберкулезом, если многие дети не имели индивидуальной кровати, постельных принадлежностей и посуды¹⁹.

Для оказания больным медицинской помощи нужны были квалифицированные специалисты. В 1937 г. в сельской местности 1,6 больничной койки приходилось на тысячу человек. Согласно переписи, в 1937 г. 110 млн человек сельского населения обслуживали менее 12 000 врачей, 54 000 фельдшеров и акушерок и менее 7 000 фармацевтов²⁰. А на всю Тамбовскую область в 1937 г. приходился всего 491 врач, то есть на 10 000 человек населения было по 2,6 медработников. К 1940 г. положение с врачами так и не улучшилось, но их уже было 3,6 на 10 000 населения²¹. Следует учесть, что большая часть этих специалистов находилась в городских населенных пунктах, где и располагались поликлиники, больницы, санатории и т. п. Медицинские учреждения на селе были редкостью. А жители Тамбовской области населяли в основном сельские районы – 85,2 %²². С обеспеченностью же населения средним медицинским персоналом дело обстояло лучше. В 1940 г. таких специалистов по Тамбовской области насчитывалось 3 791 человек – 20,7 на 10 000 человек населения²³. Получается, что первую медицинскую помощь доступнее было получить у фельдшера, специалиста среднего звена. Но и здесь возникали

трудности для сельских жителей. Так, для жителей села Козьмодемьяновка ближайший фельдшер находился в Красных Криушах, расстояние между которыми было 5 километров. А в наличии у фельдшера не было всех нужных медикаментов. Ближайшая же аптека располагалась в Сабурово.

Вот, что вспоминает житель села Туголуково И. С. Плещеев: «В селе жил единственный фельдшер Виктор Николаевич. Жил он в кирпичном доме... Принимал в комнате тут же, кажется, комната была только для приема... Он же готовил лекарства и выдавал в назначенный срок. Судя по всему, он был хороший практик, специалист на все руки, и ему жители доверяли. Одним из первых врачей был Страхов... Но Страхов продержался недолго, уехал, потом врачи менялись часто, и не всегда жители были ими довольны. Нередко можно было слышать: «Вот был Виктор Николаевич, действительно лечил, настоящий врач»... Не держались врачи потому, что не по душе была им сельская жизнь, особенно в те тяжелые времена»²⁴.

Детских поликлиник и отделений при различных медицинских учреждениях в 1940 г. по Тамбовской области насчитывалось 47²⁵, в то время как область в 1939 г. состояла из 5 городов и 42 районов. Таким образом, в лучшем случае получалось по одной детской поликлинике на каждый городской или районный административный центр. В районном центре Туголуково только в 1938 г. была открыта небольшая «больничка» на несколько коек²⁶. При слабой коммуникационной связи между сельскими глубинками и крупными населенными пунктами заболевший школьник не мог своевременно обратиться за медицинской помощью. В результате чего развитие болезни зачастую зависело от организма ребенка и своевременной медицинской помощи.

К сожалению, некоторые заболевания заканчивались трагическим исходом – смертью. Только за 1937 г. умерло 2 499 человек. Из них 52 % (1 307) составляли мальчики и 48 % (1 192) девочки. Основная масса умерших детей была из сельской местности – 87 % (2 185), а из городского населения – 13 % (314): в сельской местности смертность мальчиков – 52 % (1 136), а девочек – 48 % (1 049), в городских поселениях мальчиков – 54 % (171), девочек – 46 % (143). Таким образом, разница между количеством умерших мальчиков и девочек была незначительной и составляла 4–8 %²⁷.

Если же рассмотреть социальное происхождение умерших детей, то на долю рабочих приходилось 14 % (346), служащих – 4,5 % (114), колхозников – 53 % (1 331), единоличников – 12,5 % (316), прочих – 4 % (95) и с неустановленным общественным положением – 12 % (297)²⁸. Как мы видим, большая часть умерших детей была из семей колхозников и рабочих – двух самых многочисленных социальных групп СССР. И надо отметить, смертность наблюдалась среди довольно взрослых детей, а не младенцев.

Причиной детской смертности были чаще всего такие болезни, как туберкулез – 26,5 %, болезни, связанные с воспалением органов дыхания, – 10 %, инфекционные заболевания – 24,5 %, малярия – 6 %²⁹.

Сложившиеся в эти годы условия жизни людей были очень тяжелыми. Народ существовал на грани выживания, а подрастающее поколение – на грани вымирания. В официальной сводке сообщалось: «Саратовская область, Макаровский район. В колхозе “12 лет РККА” колхозники вырывали из земли на скотомогильниках трупы павших животных и употребляли их в пищу. В колхозе “Ленинский путь” колхозница Морозова ходила по селу и собирала падаль. Ее дети от недоедания опухли...

Колхозница Жижина, беременная, больная женщина, двое ее детей находились в опухшем состоянии. Старшая дочь ходила по селу, собирала падаль. Завхоз колхоза Юдин “отпустил для питания” Морозовой и Жижиной голову павшей лошади. В колхозе им. Пугачева завхоз Уваров выдал конюху Зайцеву мясо павшей лошади на общественное питание. Извлечен из петли колхозник Елисеев В. П., 25 лет, попытка к самоубийству связана с отсутствием продовольствия и т. д.

Сердобский район. Колхозник Сидоров П. В., семья из 6 человек, в том числе 4 детей, с 11 февраля совершенно не имел хлеба, жена и дети опухли. Колхозник Абрамов И. Е., семья из 3 человек, заработал 177 трудодней, а хлеба нет, его дочь опухла и т. д.

Балтайский район. В колхозе им. Кагановича колхозница Графина А. Я., 60 лет, 2 детей, “за неимением хлеба убивала кошек, мясо которых употребляла в пищу”. Фатюшкина А. К., 65 лет, 3 детей, питалась мясом лошади, павшей от желудочно-кишечного заболевания. Катаев Г. Г. с семьей из 4 человек употреблял в пищу павших кур, которых собирал по селу. Семья его была сильно истощена, один ребенок заболел.

Бековский район. Колхозница Белова, 3 детей, ударница – за лето заработала 350 трудодней. Полученный за трудовни хлеб был вскоре израсходован, 2 детей пошли нищенствовать по селу, а сама Белова и ее старший сын лежат в постели больные от недоедания». Случаи голодных смертей были зарегистрированы также в Воронежской и Челябинской областях³⁰.

На долю молодого поколения 1930-х гг. выпали безмерные испытания. Суровые жилищные условия, постоянное чувство голода, болезни, которых можно было бы избежать при благоприятных жизненных условиях, большая детская смертность, ощущение недоступности и невозможности осуществления своих желаний, дефициты и очереди – вот в каких условиях происходило становление личности подрастающего поколения и формирование соответствующего социального типа поколения победителей. А неосведомленность, которая закрывала глаза людям на происходящее, малограмотность, которая ограничивала

возможности человека, – все это как бы смиряло молодых людей с суровостью жизни, заставляло жить одной надеждой на «светлое будущее». Только они не знали, как можно жить лучше, ведь средства массовой пропаганды внедряли в их умы, что при царе жили плохо, а за границей еще хуже. Отсюда происходила примитивизация детского сознания. В результате чего желания носили банально бытового характера: быть сытым, одетым и иметь крышу над головой.

Примечания

- 1 См.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 258.
- 2 Цит. по: *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 259.
- 3 *Кубанев В. М., Чекмарев С. И.* Стихи, дневники, письма. М., 1981. С. 181.
- 4 См.: *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 336.
- 5 См.: Север. История семьи Крутовых // *Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах.* М., 1996. С. 19.
- 6 См.: *Кондрашин В. В.* История села Лох // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник.* М., 1997. С. 202.
- 7 Север. История семьи Крутовых... С. 19.
- 8 *Зиновьев А. А.* Сталин – нашей юности полет: Социологическая повесть. М., 2002. С. 232.
- 9 *Кубанев В. М., Чекмарев С. И.* Указ. соч. С. 187.
- 10 Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 21. Л. 139 об.
- 11 *Луньков Н.* Русский дипломат в Европе. М., 1999. С. 5.
- 12 Там же. С. 6–7.
- 13 ГАТО. Ф. Р-1516. Оп. 5. Д. 41. Л. 111.
- 14 Там же. Д. 39. Л. 210.
- 15 Там же. Л. 119.
- 16 Там же. Ф. Р-5142. Оп. 1. Д. 15. Л. 193.
- 17 Там же. Ф. Р-1516. Оп. 5. Д. 39. Л. 208.
- 18 Там же. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 46. Л. 49.
- 19 Там же. Ф. Р-1516. Оп. 5. Д. 39. Л. 189.
- 20 *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008. С. 243.
- 21 См.: 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С. 196.
- 22 Там же. С. 175.
- 23 Там же. С. 197.
- 24 *Гибишман К. А., Плещеев И. С.* История с. Туголуково и окрестных селений. Михайловка, 2000. С. 112–113.
- 25 Там же. С. 195.
- 26 Там же. С. 75.
- 27 См.: ГАТО. Ф. Р-3688. Оп. 1. Д. 182. Л. 18.
- 28 Там же. Л. 24.
- 29 Там же. Л. 59.
- 30 См.: *Осокина Е. А.* Указ. соч. С. 263.